

КОНГОР умеет ждать

Александр
Терентьев

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Александр Терентьев
Кондор умеет ждать

«ВЕЧЕ»

2016

Терентьев А. Н.

Кондор умеет ждать / А. Н. Терентьев — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Секретный фарватер (Вече))

ISBN 978-5-4444-4728-4

В далекой Венесуэле от рук неизвестных гибнет группа русских геологов-нефтяников. Подобное нельзя оставить безнаказанным, и в Южную Америку вылетает группа боевых пловцов под командованием майора Орехова. На месте спецназовцы выясняют, что геологов уничтожила команда наемников, работающих на местного наркобарона Алехандро. Жизнь соотечественникам, конечно, не вернешь, но жестоко наказать убийц и уничтожить базу наркоторговцев необходимо. Спецназовцы пускают в ход весь арсенал своих боевых навыков – и вот победа уже близка. Однако все карты боевым пловцам чуть не спутал таинственный главарь наемников, скрывающийся за безликим именем Боб Джексон...

ISBN 978-5-4444-4728-4

© Терентьев А. Н., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

0	6
1	9
2	12
3	15
4	16
5	18
6	21
7	24
8	27
9	29
10	31
11	34
12	36
13	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Терентьев

Кондор умеет ждать

© Терентьев А.Н., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

0

Ягуар, расслабленно вытянувшийся на крепком суку разлапистого старого дерева, чутко дернул ушами, затем слегка приподнял тяжелую голову и, облизнув широким розовым языком черные ноздри, настороженно втянул в себя воздух, улавливая и легко узнавая привычные запахи. Вроде бы все по-прежнему, ничего в окружающем мире не изменилось и ни явной, ни скрытой опасности не предвещало...

Зверь мотнул головой, отгоняя назойливых насекомых, и широко зевнул, обнажая длинные и невероятно опасные для обитателей льяноса и сельвы клыки. День еще не закончился, и солнце только собиралось клониться к закату, когда вместе с темнотой придет время ночной охоты. А пока можно еще пару часов спокойно подремать – вряд ли кому из благоразумных зверьков придет в голову потревожить сон хозяина всей окружающей территории. Ягуар еще разок прислушался и посмотрел в сторону реки, откуда временами долетали голоса людей и шум лагеря. Эти мирные звуки огромную кошку не беспокоили, и желтые глаза зверя по-прежнему отражали лишь сонную лень и спокойную уверенность в своей силе и неприкосновенности...

...Лагерь небольшой геолого-изыскательской экспедиции практически ничем не отличался от любого подобного бивуака в любой точке земли в любой стране. Те же цветные палатки, наспех сколоченные лавки и стол под выцветшим на жарком солнце брезентовым навесом, призванным создавать хоть какую-то тень. То же кострище с треногой из железных прутьев, где сейчас над почти невидимым при ярком солнечном свете пламенем костра деловито пыхтели два закопченных котелка с каким-то варевом. Рядом с котелками на длинной тонкой жерди солидно провисал и бочком прижимался к жаркому огню вот-вот готовившийся закипеть пятилитровый медный чайник.

– Петро, ну скоро там твоя каша? – крепкий русобородый мужчина в клетчатой ковбойке раздраженно грохнул оземь полупустым рюкзаком, в котором что-то пытался разыскать – и, видимо, безуспешно, – прихлопнул на щеке москита и повернулся к наклонившемуся над котелками молодому парню, осторожно помешивавшему густо парившее варево ложкой на длинном черенке. – Слушай, а Колька где? Что-то я его не вижу...

– Так он еще часа два назад лодку взял и вверх по речке уплыл, – кашевар подул на ложку, опасливо отхлебнул и поморщился: – Соли мало... Сказал, чтобы ждали большую рыбу! Небось сейчас припрется – чтобы он да ужин пропустил!

– Вот-вот, – сварливо заворчал бородатый, которого почему-то так и тянуло назвать «ну очень настоящим геологом», и ожесточенно почесал зудевшую от укусов щеку, – как в поле пахать, так его нет! А жрать и рыбку ловить – он первый... Разгильдяй! А домой вернемся, он же, зараза, сядет в компании и после третьей рюмашки этак небрежно и многозначительно скажет: «Вот когда мы в Венесуэле нефть искали...»

– Сергеич, да ладно тебе, – миролюбиво улыбнулся третий мужчина, обстоятельно и неторопливо рубивший какие-то сухие ветви на дрова, управлявшийся с топором ловко и явно умеючи. – Куда он денется! Да вон, смотри – уже назад плывет. Ну, точно, кашу за версту чувствует! Эх, ребята, а от пары рюмашек я бы сейчас не отказался!

Надувная лодка ярко-оранжевого цвета неспешно выплыла из-за густо росших вдоль кромки воды каких-то местных камышей и высокой травы. Правда, Николая в лодке пока было не видно, да и лодка плыла и покачивалась на легкой ряби, взбиваемой ветерком... как-то неправильно, слишком свободно, словно была утеряна или брошена непутевым рыбаком.

– Похоже, насчет большой рыбы мы погорячились, – в голосе бородатого начальника насмешливые нотки как-то неуловимо сменились на озабоченные, а затем перешли в откровенно сердитые: – Эй, на баркасе! Ты что, заснул там?! Мить, сходи, дай-ка ему по шее!

Медленное течение подволокло лодку к берегу, та ткнулась тупым округлым носом в песок и начала разворачиваться, явно намереваясь попробовать плыть по течению и дальше...

Мужчина, рубивший дрова, отложил топор в сторону и, недоуменно хмыкнув, направился к берегу речки.

– Слышь, ты, китобой, вылазь, тебя заметили! Хорош придуливаться... – мужчина живо подскочил к лодке и уже хотел было нагнуться и выдернуть лодку на берег, но вдруг непонятно почему застыл с протянутой рукой? и бородатый Сергеевич, сердито ожидавший, когда Николай с дурацким кличем поднимется из-за оранжевого борта и победно продемонстрирует какого-нибудь пойманного им дохлого пескаря, вдруг увидел, что лицо молодого здорового мужика заливают нехорошая бледность. – Мужики... Э! Все сюда!

Все геологи и еще трое смуглых мужчин – наемных носильщиков и рабочих из местных – бросились к покачивавшейся у берега лодке.

Николай и в самом деле лежал на жестком брезентовом дне. Вот только вскочить и с веселыми криками похвастаться пойманной рыбой ему вряд ли удалось бы, поскольку голова геолога была безжизненно откинута в сторону, грудь и дно лодки были залиты уже потемневшей кровью, а поперек горла наискось протянулся неширокий, но очень страшный в своей неестественной реальности разрез...

Солнце светило по-прежнему, и легкий ветерок все так же едва слышно шелестел в листве деревьев, но ягуар сразу почувствовал – что-то неуловимо переменялось в окружающем мире. Зверь вновь потянул чуткими ноздрями воздух и мгновенно насторожился, приподняв тяжелую голову и поводя округлыми ушами. От реки вместе с ветерком прилетел явственно ощутимый, тревожащий и манящий запах крови. И сразу же вслед за пряным ароматом крови ягуар уловил чуть слышный, осторожный шорох в густом кустарнике рядом со своим деревом.

Хищник медленно повернул голову влево и замер: его холодно-настороженные глаза встретились с застывшим, напряженным взглядом других глаз, серо-голубых глаз самого опасного врага – человека. Человек в камуфляже и в обтянутой защитной тканью каске мгновенно отметил и вздыбившуюся на загривке ягуара светлую шерсть, и обнажившиеся в коротком рыке желтые клыки. Не сводя глаз с хищника, мужчина очень медленно сделал рукой успокаивающий жест, одновременно направляя на зверя свою автоматическую винтовку М-16 и делая шаг назад. Шаг, другой, третий...

Человек с оружием, от которого мерзко пахло кисловато-тухлым запахом сгоревшего пороха, исчез, и ягуар тоже соскользнул с дерева и одним прыжком скрылся в зарослях. Зверь не испугался запаха крови и запаха оружия, он испугался другого, – от камуфляжного исходил отчетливый запах смерти...

Мужчина проводил опасного зверя снисходительным взглядом и, неслышно ступая, аккуратно раздвигая загораживавшие путь ветви, направился в сторону реки, откуда раздавались возбужденные мужские голоса. Прежде чем сделать первый шаг, камуфляжный медленно поднял левую руку вверх и, описав двумя пальцами круг, качнул рукой вперед.

На границе, где кустарник и высокая трава обрывались и начиналась широкая полоса прибрежного песка, человек остановился и медленно поднял ствол винтовки, ловя в прорезь прицела крепкого мужчину со светло-русой бородой. Придерживая оружие левой рукой, указательным пальцем правой легонько постучал по микрофону переговорного устройства, закрепленного на груди слева, и вновь положил палец на спусковую скобу. Затаив на мгновение дыхание, мягко тронул спуск...

Несколько выстрелов прозвучали почти одновременно, сливаясь в сухую и хлесткую очередь. Ни одна пуля не прошла мимо цели – неведомый боец и его люди, прятавшиеся неподалеку, умели стрелять. Все мужчины, сгрудившиеся вокруг оранжевой лодки, в которой лежал их мертвый товарищ, так и остались лежать на сухом беловатом песке, который легко впитывал кровь, казавшуюся почти черной...

Старший группы к трупам не подошел. Он молча смотрел, как его подчиненные деловито осматривают погибших, проверяя, нет ли раненых и уцелевших. Когда один из бойцов знаком показал, что все до единого мертвы, человек в камуфляже удовлетворенно кивнул и, медленно ступая по белому песку, подошел к угасавшему костру, взял в руки ложку, зачерпнул из котелка какого-то варева, осторожно попробовал и сплюнул в сторону, коротко бросив по-английски:

– Слишком много соли!

Старший ничего не выражающим взглядом смотрел, как один из бойцов кинокамерой умело снимает лежащих в лужах крови мужчин, пока другие обшаривали лагерь в поисках чего-либо ценного. Когда съемка была закончена, командир наконец-то подошел к убитым, долго всматривался в каждое лицо, затем наклонился и сдернул с пальца бородатого широкое обручальное кольцо. Оценив его, подбросил на ладони, затянутой в пропотевшую кожаную перчатку без пальцев, довольно хмыкнул и спрятал кольцо в нагрудный карман.

«Все готовы. Как глупые куропатки. Как же я люблю гражданских – они предсказуемы как дети... Если одному перехватили горло, то остальные обязательно сбегутся полюбоваться. Им и страшно, и интересно! Идиоты... Ну что ж, пора убираться отсюда!»

– Уходим! – командир махнул рукой в сторону леса и уже через несколько минут у реки повисла непривычная и жутковатая тишина. Лишь высоко в небе начал описывать медленные круги чуть шевелившийся огромными крыльями кондор – вообще-то, гость в этих местах довольно редкий. Он не торопился, потому что еще видел опасных людей с оружием, торопливо уходивших от реки в густую сельву. Птице спешить было некуда, ведь добыча была совсем рядом и прекрасно видна, а ждать старый кондор умел как никто другой...

1

... – Почему? – наконец-то прозвучало в неприятной тишине, настороженно повисшей в кабинете. Кабинет для совещаний был довольно обширен и располагался в загородной резиденции Президента, куда десяток минут назад прибыли и, после немногословных взаимных приветствий, расселись по сторонам длинного стола несколько членов кабинета министров страны. Сейчас министры с некоторой опаской ждали объяснения причин столь спешного вызова к главе государства.

– Почему о неприятностях, происходящих в моем доме, я узнаю не от вас, Суарес, и не от вас, Родригес, а из новостной передачи этих наглых вралей из Штатов? – Президент, надевший именно для этого совещания с юных лет привычный армейский камуфляж, на плечах которого скромно поблескивали звездочками погоны полковника, сначала, судя по всему, собрался было, не скрывая горечи и раздражения, грохнуть по столу увесистым кулаком, но сдержался и просто положил на столешницу тяжелую смуглую ладонь.

Причем получилось это настолько внушительно, что кое у кого из собравшихся мелькнула мысль, что и за кулаком, вообще-то, дело не станет – всем была известна не то байка, не то чистая правда о том, что некогда бравый десантник, несколько позже ставший Президентом, умудрился подрасть не в каком-нибудь там задрипанном кабачке, а в самом Храме Господнем, и не с кем-нибудь, а со священником!

– Я просил бы вас, господин Президент, уточнить, о какой из... мм-м... неприятностей вы говорите? – Министр общественной безопасности Суарес вежливо наклонил голову и холодным взглядом опытного царедворца внимательно следил за едва уловимыми отблесками эмоций, пробегающих по мрачному лицу Хуго Рамиреса.

– Я, господин министр общественной безопасности, говорю о расстреле неизвестно кем изыскательской группы русских геологов, специалистов по нефтеразведке, работавших у нас по контракту! – Президент гневно поджал крупные губы, отчего уголки опустились вниз, вместе с крючковатым орлиным носом придавая лицу Рамиреса вид рассерженной птицы. – Пятеро русских специалистов и четверо наемных рабочих из наших местных крестьян! Вот, полюбуйте-тесь!

Президент схватил лежавший на столе телевизионный пульт и нажал несколько кнопок. На большом телеэкране, рядом с которым громоздились несколько приборов и приставок, сначала вспыхнуло изображение узкой полосы песка вдоль поблескивающей солнечными бликами речной глади. Затем камера прошла по почти нетронутому лагерю геологов и остановилась на девяти уложенных в ряд тел с отчетливо видимыми следами крови – все были, несомненно, мертвы.

Кадры любительской съемки перемежались бесстрастным комментарием темнокожей красотищи, ведущей новости на одном из известных североамериканских каналов, о «беззаконии и ужасах преступности, с которой не могут, или не хотят справиться власти Венесуэлы, президент которой так любит разглагольствовать о законе, порядке, строительстве социализма и истинной демократии. Вряд ли страна, в которой сегодня зверски убивают иностранных специалистов, завтра будет привлекательна для серьезных инвесторов и людей бизнеса, ценящих, прежде всего, порядок и стабильность...».

– Это, как вы понимаете, запись. Но они уже часа два безостановочно крутят этот ролик и несут подобную чушь! И этот, и еще парочка каналов! А я, президент страны, даже не могу снять трубку и обругать этих мерзавцев, потому что не знаю – правда это или бессовестная ложь! Родригес?

– К сожалению, к нам эта запись не поступала и я, как и вы, сам услышал об этом ужасном происшествии из теленовостей наших северных соседей, – удрученно развел руками гос-

подин Родригес, министр информации, печати и телевидения. – Возможно, это просто грязная провокация. Наверное, нужно связаться с министерством энергетики и нефти и выяснить, действительно ли был такой... э-э... инцидент.

– Уже связались, – кивнул присутствовавший на экстренном совещании замминистра обороны, до этой минуты хранивший мрачное молчание. – Все подтвердилось. Все члены экспедиции мертвы. Они не вышли на связь и руководство компании послало туда свой вертолет... Полагаю, господин Президент, необходимо дополнительно выслать на место происшествия пару вертолетов. Десяток бойцов, следователи, криминалисты и эксперты из военной прокуратуры... Группы практически сформированы, нужен лишь ваш приказ!

– Хорошо, полковник, можете считать, что приказ я уже отдал, – Рамирес обвел собравшихся тяжелым взглядом темных глаз, прикрытых припухшими веками, и вновь обратился к главе службы безопасности государства. – Суарес, как могло случиться так, что ни полиция, ни служба безопасности, ни министерство нефти еще ничего не знали о случившейся трагедии, а ролик с репортажем уже появился в штатовских выпусках новостей?

– Господин Президент, – голос министра был тверд и уверен, – полагаю, это возможно только в одном случае! В том случае, если съемку вели именно те, кто и расстрелял этих несчастных. Думаю, экспертиза подтвердит, что съемка сделана не профессиональным оператором и аппаратура использовалась простенькая, любительская.

– На аппаратуру мне плевать, господа! Это совершенно не важно. А важно то, что эти «операторы» более чем профессиональны в другом... А также важно то, как я буду выглядеть в глазах моих русских друзей, когда сообщу им это страшное известие. Через десять минут я буду звонить русскому Президенту и что я скажу ему? Что?! Люди поверили мне, помогают нашей стране, уже заключены многомиллионные контракты и впереди еще... А я буду мямлить извинения: «Простите, сеньор, у меня тут в стране бардак и ваших ребят кто-то убил, но я, поверьте, ни малейшего понятия не имею – кто, и мне самому об этом только что рассказали в своем выпуске новостей девки из американской телестудии!» – Президент прервался, чтобы отхлебнуть минеральной воды из высокого стакана и, громко стукнув доньшком об стол, уже немного другим, сухо-деловым тоном, распорядился: – Полковник, вы должны вылететь на место, проконтролировать все следственные мероприятия и доложить мне. Докладывать каждые два часа – я распоряжусь, чтобы вас соединяли со мной незамедлительно! Пока следователи военной прокуратуры копаются с трупами, вы организуйте розыск и преследование. Хотя... уже столько времени прошло, дьявол их побери. В любом случае – мы должны найти этих убийц и наказать. Привезите их мне, полковник! Желательно живыми и, по возможности, здоровыми. Ваши соображения: кто это мог бы сделать?

– Без серьезных фактов судить трудно, господин Президент, но, возможно, люди из изыскательской партии увидели то, что видеть никак не должны были, и их устранили...

– Намекаете на парней из колумбийских картелей? – Рамирес гневно дернул пухлой, чисто выбритой щекой. – Эти поганцы совсем обнаглели... Впрочем, не будем гадать, как старые бабы, на кофейной гуще. Вы свободны, полковник, отправляйтесь! Да, кстати, вы сказали о десятке бойцов... Не маловато? Возможно, стоило бы задействовать парней из спецназа воздушно-десантных войск?

– Полагаю, господин главнокомандующий, что отряда военной полиции будет вполне достаточно для поимки кучки мерзавцев, бегающих по сельве или ушедших в льянос – там сейчас, как вы знаете, травостой высотой под два метра...

– Хорошо. Пусть хоть два, да хоть пять метров. Наша задача – найти их и упрятать на два метра под землю, – Президент повернулся к министру информации и внушительно покачал пальцем. – Никакой информации, ни слова. Во всяком случае, до тех пор, пока мы не узнаем, кто это сделал... Все, господа, вы свободны! И не забывайте, полковник – каждые два часа...

...Когда в опустевшем зале вновь повисла тишина, нарушаемая лишь едва слышным шелестом кондиционеров и листвы пальм за окнами, Рамирес устало выдохнул и, поставив локти на сверкающую полировкой поверхность стола, тяжело уткнулся лбом в сжатые кулаки.

Бывший десантник, бунтовщик, революционер, а ныне законно избранный народом Президент страны, которая вполне могла вместить в себя Францию, Англию, Швейцарию, Голландию и Бельгию, вместе взятые, да еще и Люксембург взять в качестве мелкого довеска.

Если бы он, уже испытавший на себе и не понаслышке знающий, что такое большая политика, что за невероятной тяжести груз ложится на плечи первого лица государства, мог сейчас вернуться лет на двадцать пять назад... Назад, в те такие трудные и все же такие счастливые времена, когда он, Хуго Рамирес, был еще молодым, полным сил и задора офицером воздушно-десантных войск, мечтавшим о революции и переменах в своей любимой стране. Тогда ему казалось, что в этом мире и в этой жизни для него нет и не может быть ничего невозможного. Если бы можно было туда вернуться...

Кто знает, возможно, он мог бы выбрать и просто военную карьеру и, вполне возможно, был бы сегодня всего лишь министром обороны и спал бы гораздо спокойнее. Хотя, нет. Нет и еще раз нет! Тот молодой, честный и сильный парень ни за что не выбрал бы другой путь.

Разве он мог тогда предполагать, что путь к звездам преграждают настолько густые и колючие заросли терний, рвущих в клочья не только плоть, но и сердце, и даже несчастную вечную душу! И никто не мог шепнуть ему, что рядом с этими звездами так невероятно холодно и одиноко. Одиноко даже в том случае, когда тебя вполне искренне любит народ, а рядом любящая замечательная жена и самые лучшие в мире, прекрасные дети...

2

Тугая воздушная волна, расходившаяся от мощных винтов двух вертолетов Ми-35, сначала взбила мелкую волнистую рябь на поверхности реки, потом подняла желтоватые облака мелкого прибрежного песка и принялась яростно трепать высокие заросли тростника и густой травы, стеной подступавших почти к самому берегу. Вертолеты заходили на посадку медленно, словно осторожно прощупывая окрестности и выбирая наиболее подходящий пятачок открытого пространства близ бывшего лагеря геологов. Наконец, оба сели, тяжело увязая в песке колесами шасси, еще несколько раз стеганули жаркий и влажный воздух длинными лопастями и затихли, как-то враз обвисая и устало потрескивая остывающими двигателями.

Двери грузовых отсеков с грохотом откинулись и на песок один за другим начали выпрыгивать молоденькие солдаты в касках с аккуратно выведенными буквами «МР», что означало их несомненную принадлежность к очень почтенной силовой структуре, призванной выполнять в армии полицейские функции. Правда, чисто армейские ребята военную полицию традиционно, мягко говоря, недолюбливали и эта неприязнь, кстати, легко прижилась практически во всех армиях мира...

Полковник из министерства обороны, выпрыгнувший из темного отсека первым и еще несколько часов назад беседовавший с самим господином Президентом, с непроницаемым лицом наблюдал за выгрузкой солдат, которыми командовал усатый лейтенант лет тридцати, и за вторым вертолетом, из которого медленно, без малейшей суеты выгружались сотрудники военной прокуратуры.

«Прокурорские ищейки», как мысленно именовал работников военной юстиции полковник, кроме старшего с майорскими звездами на погонах имели в своем составе следователя, криминалиста, фотографа и двоих кинологов, удерживавших на длинных поводках крупных и, судя по всему, довольно злобного нрава собак. Насколько знал полковник, эти напоминавшие черных догов неприветливые зверюги были какой-то помесью разных пород и были очень популярны среди пастухов, гонявших по необъятным просторам льяноса свои стада. Пастухи, народ вообще-то серьезный и к вранью не очень способный, клятвенно утверждали, что пара таких собачек под настроение легко и непринужденно рвет на куски самого американского льва – так уважительно называют в этих краях опасную пуму.

– Господин полковник, бойцы готовы! – лейтенант бодро козырнул и, смахивая кончиками пальцев капельки пота с бровей, уважительно поинтересовался: – Прикажете организовать преследование? Или будут какие-то особые указания?

– Нет, особых указаний не будет, лейтенант, – полковник покосился на работников прокуратуры, уже возившихся с телами погибших изыскателей, на фотографа, увешанного аппаратурой, уже отщелкавшего пару пленок фотоаппаратом и сейчас деловито снимавшего на кинокамеру все следственные действия, потянул ноздрями тяжелый сладковатый запах, брезгливо поморщился и непроизвольно выругался вполголоса. – Дьябло! Двое суток на такой жаре... Вряд ли это можно будет показывать по телевизору! Сейчас кинологи попробуют разыскать какие-либо следы, и если собаки что-то вынюхают, то вы со своими людьми пойдете с ними. Хотя девять против одного, что эти мерзавцы сразу после бойни ушли или вверх, или вниз по реке – какой дурак стал бы сидеть здесь, нюхать эту вонь и ждать нас, обливаясь потом от этой проклятой жары? Господа, что там у вас?

– Все ясно как день, полковник, – пожилой судебно-медицинский эксперт с пышной, крепко побитой сединой шевелюрой, стянул с рук резиновые перчатки, бросил их в специальный пластиковый пакет и, неторопливо закуривая, подвел итог: – Около пятидесяти часов назад. У одного перерезано горло, а все остальные застрелены. Думаю, все сразу. Потом убийцы

уложили их рядком, засняли на кинокамеру и ушли. И думаю, мы их никогда не найдем – сельва и льянос велики... Может быть, кинологи что отыщут? Хотя вряд ли...

Псы, наотрез отказавшиеся подойти к убитым, шурша высокой травой и беспокойно дергая поводки, обшаривали побережье и окрестности, подбадриваемые командами проводников. Временами собаки взлаивали и кидались то в одну, то в другую сторону, и вполне могло показаться, что какие-то следы, наконец-то, найдены, хотя полковник подозревал, что псы попросту стараются улизнуть подальше от источника неприятного запаха, терзавшего их чуткие, нежные ноздри.

– Господин полковник, есть след! – один из кинологов возбужденно помахал свободной рукой, другой сдерживая нетерпеливо повизгивавшего и явно что-то почуявшего пса, посматривавшего в заросли тростника, тянувшиеся вдоль берега реки.

– Есть, так преследуйте. Лейтенант, командуйте! И не очень-то торопитесь, под ноги и вокруг хорошенько посматривайте – я бы на их месте обязательно установил парочку хороших растяжек...

С первых же минут прочесывания зарослей лейтенанту отчетливо стало ясно, что между городскими улицами с их относительно чистым и гладким асфальтом и густыми зарослями высокой травы, кустарников и деревьев разница есть и разница очень большая. Одно дело носиться с ветерком в джипе или в составе патруля вразвалочку прогуливаться по городу, стараясь держаться в жиденькой, но все же тени домов, и совсем другое – продираться через переплетения стеблей, корней и огромных листьев растений, вдобавок ко всему перевитым неисчислимыми плетями всяких выюнов и лиан. Да еще непереносимая жара и влажность! Да и про полчища мерзко зудящих и выющихся вокруг москитов, про опасных клещей, градом сыплющихся с веток и листьев, про паутину, то и дело липко обволакивающую разгоряченное, мокрое лицо, не стоит забывать. Пожалуй, остается еще добавить, что и под ногами в траве бесконечно кто-то шарахается, попискивает и шуршит. И в этом аду нужно еще внимательно посматривать во все стороны, поскольку действительно вполне можно и на растяжку наткнуться, и в засаду попасть...

Крик раздался немного в стороне и позади – истошный и длинный, на одной жутковатой ноте. Потом разом оборвался, словно кричавший решил заново набрать в грудь побольше воздуха, и тут же грохнул взрыв, приглушенный зарослями.

«А вот и растяжка! Кто-то все-таки напоролся, – мелькнуло в голове лейтенанта, тут же замершего в недоумении. – Так, а почему сначала крик, а взрыв уже потом?»

Лейтенант бросился в сторону затихавшего взрыва, уже не особенно заботясь о том, чтобы тщательно смотреть под ноги. Метров через двадцать едва не столкнулся с растерянно посматривавшим по сторонам солдатом, стоявшим рядом со вторым, скорчившимся на земле и закрывавшим смуглое худое лицо грязными ладонями. Вопреки ожиданиям, крови ни на ладонях, ни на теле лежавшего на земле бойца видно не было.

– Ранен? Что рвануло? Растяжка?

– Нет, господин лейтенант. Он заорал, я подбежал, а он кричит. И только и успел сказать: «Кобра!» И помер, по-моему...

– Так рвануло тогда что, солдат? Кобра от радости лопнула?!

– А это я туда, куда змея уползла, гранату бросил, – виновато пожал плечами боец и неуверенно сказал: – Наверное, я ее подорвал...

– Кретин, – негромко подвел итог лейтенант и скомандовал подбежавшим на звук взрыва солдатам: – Хватайте его под руки и бегом к вертолетам, к доктору. Бегом, я сказал!

Когда солдаты, обливаясь потом и тяжело вздымая пыль, прибежали к вертолетам и положили пострадавшего на расстеленную плащ-накидку, доктор, услышав версию про укусы кобры, на осмотр бедняги потратил ровно минуту. После чего усталое и как-то обреченно выдохнул и молча закурил очередную сигарету.

– Так что, док? Делайте же что-нибудь! Сыворотка у вас есть? – полковник был раздражен и немного растерян – еще ни одного врага не обнаружили, а в отряде уже потери, дьявол бы побрал эти проклятые джунгли.

– Бесполезно, – флегматично покачал седой головой доктор и привычно перекрестился сухой ладошкой. – Думаю, сейчас ему священник был бы нужен больше, чем врач. Если кобра кусает человека за лицо, то никакая сыворотка уже не поможет – пяток минут и все... Пусть его душа упокоится с миром!

– Прикажете продолжать поиски, господин полковник? – лейтенант мрачно покосился на умершего солдата, который еще каких-то полчаса назад мог ходить, бегать, о девках мечтать.

Отбегался и отмечтался...

– Продолжайте, – буркнул полковник. – Что там собаки? Что-то их не слышно...

Словно в ответ на вопрос полковника в зарослях грохнул еще один взрыв и сразу же вслед метнувшемуся за зеленой стеной глухому эху раздался режущий уши собачий визг, который быстро перешел в короткие, быстро затухавшие повизгивания. Потом сухо и хлестко ударили не то один, не то два выстрела, слившиеся в один, и наступила тишина, от которой тоненько позванивало в ушах и отчего-то становилось не по себе. Казалось, даже москиты куда-то дружно попрятались и притихли...

3

Уже примерно представляя себе, что он сейчас увидит там, в зарослях, откуда минуту назад донесся жуткий собачий визг, полковник коротко выругался, сердито дернул козырек, надвигая фуражку пониже и прикрывая глаза от солнечных лучей, и решительно двинулся в сторону леса. Лейтенант с солдатами, утопая высокими ботинками в песке, едва успевали за командиром, видимо, принявшим решение взять командование отрядом на себя.

Метров через пятьдесят пахло легкой гарью сработавшей взрывчатки и еще через минуту полковник и солдаты увидели то, что осталось от проводника и его собаки. Основную часть осколков от обыкновенной наступательной гранаты принял на себя пес, а проводнику просто не повезло. Хотя кинолог и отставал от своего подопечного на несколько метров, которые составляли длину поводка, один крохотный осколок все-таки нашел и его. Полковник скользнул взглядом по залитому кровью лицу раскинувшегося в траве солдата, так и не выпустившего из руки длинного кожаного ремня, вновь выругался и, словно только сейчас вспомнив, что собаки было две, повернулся к едва переводившему дух лейтенанту.

– Где? Второй кинолог и его пес где?

– Н-не знаю... Ведь только что где-то здесь лаял, – лейтенант растерянно завертел головой, настороженно прислушиваясь. Простая логика подсказывала, что пес где-то неподалеку, он ищет следы и должен хотя бы иногда подавать голос. А если в лесу не раздается почти ни звука, то что получается? А получается, что и второй пес и, вполне возможно, его проводник – мертвы? А причина? Взрыв-то был один! Не кайманы же их утащили совершенно беззвучно, дьявол их поberi...

Второй кинолог вместе с собакой отыскался неподалеку, у самой кромки зарослей, тянувшихся вдоль речного берега. Оба были бесповоротно мертвы, и даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что погибли они не от взрывов и не от зубов кайманов: и солдат, и пес были застрелены. Одна аккуратная и совсем не страшная дырочка чернела почти точно между бровей у бойца, вторая – в голове собаки, чуть выше мутного, остекленевшего глаза...

Только сейчас, до рези в глазах всматриваясь в заросли на противоположном берегу реки, полковник сообразил, что же не давало ему покоя все это время, что болезненной занозой сидело в мозгу. Выстрел. Сразу после взрыва был слышен визг несчастного пса, а потом ударил выстрел! И, действительно, не один, а два. Теперь даже ребенку стало бы понятно, что в тот момент, когда первая собака зацепилась за растяжку и грохнул взрыв, вторая тащила проводника вдоль берега и там-то их и положил снайпер! Причем стрелял настолько быстро, что два его выстрела слились почти в один. Мастер, что и говорить! И, вполне вероятно, сейчас этот мастер с улыбочкой рассматривает в свою оптику и его, полковника, и лейтенанта с его подчиненными, и неторопливо выбирает цель получше. А что может быть лучше полковника, который как последний идиот торчит на самом виду и пялится на речку...

Чувствуя, как под ложечкой вдруг образовалась сосущая пустота, а кожу на затылке стянуло неприятным холодом, полковник демонстративно сплюнул в сторону спокойно струившейся реки и, разворачиваясь обратно, негромко процедил сквозь зубы:

– Лейтенант! Забирайте этих и возвращаемся к вертолетам!

На обратном пути, непроизвольно стараясь двигаться подальше от берега и выбирая тропку в зарослях погуще, полковник хмуро поглядывал на солдат, тащивших на плащ-накидках собак и двоих своих товарищей, и мучительно размышлял, пытаясь понять происходящее. Но, несмотря на все усилия, так и не мог отыскать никакой логики в действиях тех, кто сейчас, возможно, прятался на другом берегу реки...

4

– Да, не повезло мальчикам, – доктор с первого взгляда оценил точность попаданий неведомого стрелка, отхлебнул теплой воды из пластиковой бутылки, поморщился и, задумчиво пожевав узкими губами, скорее утверждая, чем спрашивая, обратился к полковнику: – Снайпер? Значит, они не ушли...

– Да, думаю, снайпер, – кивнул полковник, в который уже раз с ненавистью и опаской бросая быстрый взгляд на зеленую стену зарослей на противоположном берегу. – И вы так спокойно об этом спрашиваете? А ведь вполне возможно, этот стрелок сейчас выцеливает именно ваш высокий и красивый лоб!

– Или ваш, полковник, – криво усмехнулся врач. – А что я, по-вашему, должен метаться в истерику? Мы здесь уже без малого два часа. Если бы они хотели прострелить мой или ваш лоб – они давно могли это совершенно спокойно проделать. Значит, у них какая-то другая задача. Что будем делать, полковник?

– Убираться отсюда и как можно скорее! – полковник сдернул с головы фуражку, промокнул платком влажное лицо, шею и, вспомнив свой разговор с Президентом, зло скрипнул зубами. – Он был прав – нужно было брать не этих мальчишек, а спецназ!

– Кто был прав?

– Теперь уже не важно, док... Вы с мертвяками все свои процедуры закончили? – Доктор молча кивнул, и полковник повернулся к бойцам, бестолково сгрудившимся вокруг своего командира. – лейтенант! Начинаем погрузку! Мертвых в один вертолет, все остальные – в другой! Собак здесь быстренько прикопайте...

Полковник вдруг живо представил себе, как сейчас они загрузятся в темное нутро бортов, как потом боевые вертолеты взвоют своими двигателями, вздымая тучи песка и пыли, со свистом раскрутят длинные лопасти винтов и медленно поднимутся в воздух. Потом заложат крутой вираж, развернутся хищными носами к этим поганым зарослям, в которых сейчас таятся неведомые враги, и начнут обстрел, разнося в клочья и лес, и тех, кто там прячется, и даже эту чертову равнодушную, спокойную реку! Полковник не смог удержаться от улыбки, мстительной и злорадной. Вот только бы поскорее взлететь, а там посмотрим, кто окажется хозяином положения...

Размышления полковника о скорой и страшной мести прервал громкий зуммер. Вдруг ожила коротковолновая рация, найденная в кармане одного из погибших геологов и уже упакованная экспертом в пластиковый пакет. Доктор подошел к расстеленной на песке плащ-накидке, на которую следователи грудой свалили все найденные вещдоки, и недоуменно воззрился на никак не унимавшийся аппарат связи. Потом вопросительно посмотрел на полковника – тот молча кивнул. Док вынул рацию из пакета, нажал кнопку вызова, коротко проговорил: «Да! Говорите, вас слушают!» И переключился на прием. Несколько секунд послушал неведомого собеседника и затем протянул рацию полковнику.

– Это вас, полковник...

– Я слушаю вас, говорите, – полковник переключился на прием.

– Слушай, полковник, слушай, – сквозь легкий шум помех и потрескивание эфира голос, уверенный и чуть насмешливый, слышался вполне отчетливо. – Сейчас ты заберешь своих дохлых искателей приключений, свору полицейских ищек и своих сопляков, изображающих из себя бравых солдат, вы погрузитесь в свои вертушки и быстренько уберетесь отсюда! Даю вам двадцать минут. И советую тебе больше никогда не появляться в этих краях. Да, вот еще что... Если ты планируешь поднять вертолеты и малость пострелять по кустам, то настоятельно не советую тебе этого делать. У нас под рукой совершенно случайно оказались парочка гранатометов и стингеров. Если ты, сидя в прохладных кабинетах, забыл, что это такое, я тебе

напомню: два выстрела – и ваши вертолеты превратятся из грозных машин в большое огненное облако и ваши горелые кишки разлетятся примерно на полмили, так что хоронить будет некого. Или нечего, но тебе это уже будет без разницы. Ты все понял, герой? Не надо искушать судьбу. Я сейчас отлично вижу, как ты скрипишь зубами, играешь желваками и потеешь от злости – у меня очень хорошая оптика... Двадцать минут и ни секундой больше! Полковник, ты даже не представляешь, как тебе и твоим людям сегодня повезло. Так что можешь дома поставить вашей Святой Деве самую большую свечку... А теперь переключись и подтверди, что ты все понял!

– Да, я все понял. Отбой связи, – полковнику очень хотелось швырнуть рацию в какую-нибудь стену, а еще лучше – о камень, чтобы только мелкие пластмассовые осколки брызнули по сторонам, но ни стены, ни подходящего камня поблизости не было, лишь беловатый песок поскрипывал под ногами. – Лейтенант, сколько они еще будут возиться с этими чертовыми собаками?! Даю вам десять минут! Если через десять минут кто-то еще не заберется в вертолет – останется здесь кормить москитов. Пилоты, у вас, надеюсь, все о'кей?

Капитан ВВС, старший среди членов экипажей вертолетов, флегматично повел плечом, обтянутым летным комбинезоном, что должно было означать, вероятно, что-то вроде: «у нас, полковник, всегда все о'кей!»

Ровно через девять с половиной минут пилоты защелкали тумблерами и начали запуск двигателей. Лопасті чуть дрогнули, поплыли по кругу и начали плавно набирать обороты, с шипением и свистом разгоняя воздух и поднимая тучи пыли. Сначала один, через полминуты другой вертолет мягко оторвались от земли, набрали высоту и, чуть наклонив носы, круто развернулись к северо-западу, ложась на обратный курс.

Полковник, сидя на жесткой металлической скамейке, бросил прощальный взгляд на проплывающие внизу зеленые чащи и в который уже раз мысленно повторил почти все известные ему ругательства, проклиная и неведомых бандитов, и так блестяще проваленную операцию, и свою дурацкую самонадеянность.

«Если бы я знал, что эти твари никуда не ушли, а преспокойненько сидят в сельве и ждут нас! Почему, почему они не ушли? Ответ напрашивается один: они остались для того, чтобы и нас уложить рядом с теми несчастными русскими и их наемными рабочими. Тогда почему они не тронули людей из нефтяной компании, которые прилетали за день до нас? Когда люди компании позвонили в столицу и сообщили о трагедии, им было приказано ничего не трогать и оставить все как есть до прибытия следственной группы... Потом прилетели мы. Один проводник с собакой напоролся на растяжку, второго они вместе с его подопечным подстрелили – это понятно, собака могла взять след. Что было потом? А потом они позвонили, связались с нами по рации. Рацию они забрали у геологов, вторую оставили специально для нас, мерзавцы.

Тогда что получается? Если они планировали какие-либо переговоры с теми, кто прилетит, то они и не собирались стрелять? А если не планировалась стрельба, то какого черта они сидели в сельве, кормили москитов и ждали нас?! Поболтать о жизни? Чистой воды идиотизм. Нет, полковник, рация была оставлена ради забавы, на всякий случай. Например, вызвать нас на связь и с ухмылочкой сообщить: «А сейчас мы вас убивать будем!» И остались они, чтобы перебить нас, но... Но кто-то связался с ними и приказал дать отбой операции. Кто? А тот, кто изначально заказал расстрел геологов... Значит, надо искать заказчика, того, кому выгодна гибель русских, тех, кому хотелось и нас перебить, чтобы тем самым показать всем заинтересованным сторонам, что у нас не армия, а дерьмо и мы просто не в силах контролировать ситуацию и гарантировать кому бы то ни было порядок и безопасность...»

В своих рассуждениях полковник был весьма недалек от истины, но если бы ему сейчас кто-то сказал, кому он и все его люди, по сути, обязаны жизнью – этому человеку полковник ни за что не поверил бы и просто рассмеялся ему в лицо...

5

*Балтийское море, 15 морских миль
северо-западнее Калининграда*

До настоящего шторма было еще далеко, но ветерок был довольно-таки свежим даже по меркам матросов и офицеров БПК (Большого противолодочного корабля), лежавшего на данную минуту в дрейфе и равномерно работавшего машинами, чтобы удержать огромный корабль, как и положено инструкциями по кораблевождению, в положении «носом навстречу волне» и не позволить этой самой волне снести судно куда-либо в сторону от означенной штабными картами точки. Огромный боевой корабль, конечно, не рыбацкий деревянный баркас и его не так-то легко сбить с курса или уж тем более опрокинуть – это вряд ли было бы по силам даже могучему сильнейшему шторму, но правила едины для всех. Сказано, что при сильном волнении корпус судна положено держать строго перпендикулярно наваливающимся волнам – будь добр, товарищ капитан, держи! Не то саданет в бок, то бишь в борт, подходящая волна и ляжет суденышко на бочок. А опасный крен легко превращается в запредельный, а уж затем следует и вовсе вещь безрадостная: судно попросту переворачивается, обнажая грязно-ржавое днище и по инерции еще бессмысленно молотя воздух винтами. А кончается все глубокой вращающейся воронкой, в которой и исчезает корабль-неудачник вместе с бестолковым капитаном...

Сегодня перед командованием и экипажем БПК, принимавшего участие в военно-морских учениях под кодовым названием «Балтийский щит», было поставлено две серьезные задачи, разработанные в тихих и уютных кабинетах штаба и утвержденные большими начальниками с адмиральскими погонами. Первую задачу, заключающуюся в обнаружении и уничтожении АПЛ (атомной подводной лодки) условного противника, экипаж БПК выполнил с блеском, забросав «шепотом» кравшуюся к российским берегам субмарину «глубинными бомбами» и без вариантов «утопив опасного врага».

С выполнением второй задачи вполне могли возникнуть определенные трудности, поскольку ветер крепчал, начинал моросить серый балтийский дождик и погода все меньше соответствовала общепринятому понятию «летняя», предполагающему теплый сухой денек, солнышко, ласковый ветерок и небо чистое и голубое до неприличия. Вот только для летчиков, носящих форму военно-морской авиации и летающих на вертолетах, базирующихся на палубах военных кораблей, представления и нормы, определяющие возможность или полную невозможность вылета, несколько отличаются от норм, принятых в кругу, положим, мирных спортсменов-планеристов.

Двое крепких, плечистых мужчин в черных гидрокостюмах, немного напоминавшие в своем снаряжении каких-нибудь инопланетных близнецов, легко запрыгнули в темное нутро вертолета, предварительно забросив туда же свое боевое снаряжение. Список снаряжения включал в себя специальной конструкции акваланги, ласты, маски, оружие и прочие мелочи вроде переговорных устройств, часов, фонарей, компасов и индивидуальных средств спасения. Естественно, все эти штучки были водонепроницаемыми и весьма приличного качества. На снаряжении боевого пловца экономить вряд ли пришлось бы в голову даже самым скупым и вороватым товарищам из интендантских контор. Это солдатику из стройбата можно накормить и жиденькой гречкой, сваренной на воде, и лопату ржавую с гнилым черенком ему подsunуть, но с ребятами из боевых частей такие шутки могут обернуться весьма и весьма нешуточными неприятностями...

Вертолет дернул редуктором раз-другой и уже через минуту, разгоня свистящими лопастями мелкую водяную пыль, мягко оторвался от металлической палубы БПК и лег на боевой курс, старательно вычерченный штурманом на полетной карте. Последний из составлявших

ломаную линию курса отрезков почти упирался в береговую линию как раз в точке, на которой согласно штабным картам располагалась база подводных лодок условного противника.

Задача перед боевыми пловцами была поставлена довольно простенькая: прибыть в точку высадки, высадку произвести, скрытно подобраться к базе субмарин и произвести минирование одной из лодок. Попутно следовало прикрепить еще парочку магнитных мин к днищу среднего по величине военного корабля, выполнявшего в местной акватории функции «морского охотника» за всеми видами судов вероятного противника и «охранника» базы.

...Ничего особенного, обычная учебная задача, каких в процессе тренировок было уже выполнено не одна сотня. Правда, одна особенность в учебной работе боевых пловцов все-таки есть: по сравнению с настоящей боевой здесь разве что не убивали всерьез, но в остальном... Море не прощает ошибок и небрежности не только малоопытным дайверам, но и очень серьезным аквалангистам, так что работать нужно всегда не понарошку, а с предельной собранностью и отдачей. Тогда у боевого пловца есть достаточно много шансов вернуться на базу, скинуть акваланг и полной грудью вдохнуть свежего просоленного воздуха. При всех других раскладах последним для него вполне может стать не глоток соленого ветра, а большой глоток горько-соленой и холодной морской воды. Очень горький глоток, иногда вперемежку и с собственной кровью...

Валерий Троянов, старший мичман ВМФ, для своих – Тритон, для остальных – боец весьма секретного подразделения военно-морского спецназа, глянул на часы и перевел взгляд на своего напарника и на данный момент непосредственного командира. Неслабый мужик лет тридцати – почти ровесник, – лейтенант флота, порой излишне серьезен, но надежен, как автомат Калашникова. Именно про таких принято говорить: «Я бы с ним в разведку пошел!» Валерка со Славкой Катковым по кличке Скат без малейших сомнений пошел – да и ходил уже не раз и не два, – не только на любое задание, но и жену легко доверил бы! Если бы она была, конечно. Но как-то не сложилось ни с кем ничего стоящего и серьезного. А при такой службе порой думалось, что холостому-то намного проще, хотя... Чисто по-человечески, конечно, было бы здорово, если бы какая-нибудь Машенька, верная и по-домашнему теплая и ласковая, ждала на берегу. Но нет, не сложилось пока...

Мигнул красный фонарь над открытой дверью, ведущей в кабину пилотов, мерзко и коротко взвыл ревун. Один из летчиков развернулся в кресле и, словно намекая на взбучку, показал пловцам кулак, но тут же выкинул три пальца. И Катков, и Троянов понимающе кивнули – до места высадки осталось три минуты лета. Сейчас вертолет спустится почти к самой морской поверхности, серой зыбью колыхавшейся далеко внизу, и на несколько секунд зависнет, мощным потоком воздуха от винтов разгоняя по серости волн водянисто-пыльную рябь, давая возможность пловцам десантироваться. Секундная стрелка мерно отпрыгала один круг, другой...

– Пошел! – перекрывая шум двигателя, крикнул пилот, показывая рукой нечто вроде некогда известного жеста «Рот фронт!», хотя в дублирующей команде особой необходимости и не было, поскольку над дверью вновь вспыхнула лампочка фонаря, на этот раз зеленого цвета и вновь рывкнула сирена.

Скат, уже в полной экипировке сидевший на «пороге» открытой дверцы, толкнул рукой вниз небольшой мешок с тянувшимся от него длинным фалом из парашютной стропы и, не медля ни секунды, соскользнул с порожка вниз, где метрах в пятнадцати кипела серая поверхность моря. Троянов неуклюже переступил ногами с натянутыми на ступни ластами на самый краешек порога и шагнул вперед, прыгая «солдатиком», как это называлось в далеком детстве, когда Валерка и о море-то еще ничего не знал, не то что о работе боевых пловцов.

Вертолет тут же набрал высоту и, словно облегченно выдохнув, лег на обратный курс, где пилотов ждал БПК и вертолетчикам еще предстояло выполнение не самой легкой задачи: мягко и точно посадить свою машину в очерченный на палубе круг...

Троянов легко, почти как прыгун с вышки, вошел в темную воду, мигом оказался на глубине метров десяти, принял горизонтальное положение и тут же сильно заработал ластами, уходя из точки вхождения в сторону. Так хороший солдат после выстрела сразу же меняет позицию, дабы сбить с толку возможного врага, жадным взглядом поверх прорези прицела ловящего каждое его неосторожное движение. А в реальном бою почти каждое неосторожное движение бойца заканчивается или встречей с пулей, или с клинком ножа.

Та-ак, осмотрелись... А видимость дрянь – не больше десятка метров. А вон и Скат темнеет неподалеку, как мурена грациозен и гибок, змей. И так же опасен. Да нет, что это я, мысленно усмехнулся Троянов, да он несчастную мурену как кильку перекусит и одним глотком проглотит. Тащит свой мешок – сегодня он старший и мины ставить он будет, а для Тритона остаются строго охраняемые функции плюс инженерное обеспечение операции. Что следует понимать просто: отыскивать или проделывать проходы в возможных заграждениях, обеспечить подрывнику подход к объекту, охранять Ската во время работы, ведя круговое наблюдение, и если – ох, не хотелось бы! – появятся боевые пловцы из охраняемых подразделений базы, принять бой и победить.

Назад возвращаться будет проще: лейтенант Катков будет свободен как радостный дельфин, а вдвоем нам и касатка по барабану! Тьфу, дурак, рано про возвращение...

Серая муть толщи воды, никак не ставшей прозрачнее от волнения, гулявшего на поверхности бухты, неожиданно стала клетчатой, словно кто-то заштриховал стену воды простым грифельным карандашом: вот и первое препятствие, противолодочная стальная сеть. И против субмарин хороша, и против акул, не говоря уже о боевых пловцах. Сеть из прочной проволоки, длинная и сплошная. Есть в ней, конечно, проходы, которые открываются, пропуская своих, но кто же ломится в соседний сад за яблоками через калитку... Есть и другие способы. Как говаривал один кудрявый мальчик: «Мы пойдем другим путем...» Жаль, конечно, резать, все-таки государственное имущество и недешевая штука, но учения – они и в Африке учения.

Скат приготовил ножницы, но не успел сделать ни одного разреза. Вдруг, вопреки обычному правилу сохранять во время операции строгое радиомолчание, ожила мембрана переговорного устройства и механическим бесстрастным голосом объявила:

– База вызывает Ската! Прием. Скат, ответьте базе...

– База, я Скат, прием...

– Скат, приказываю отменить операцию! Немедленно возвращайтесь на базу. Как поняли, прием?

– Вас понял, – Катков недоуменно переглянулся с мичманом и пожал плечами, – понял, возвращаемся...

6

– Капитан, а ты как думаешь, они нас не обманут?

– Обязательно обманут, – старший группы бойцов, три дня назад расстрелявшей русских геологов на берегу реки, закончил чистку своего «кольта», собрал пистолет и нажал на спуск. «Кольт» звонко щелкнул, и хозяин положил пистолет на грубый дощатый стол, не забывая поставить оружие на предохранитель. – Точнее, попытаются. Кажется, они называют это «кинуть партнера». Они обязательно попытаются кинуть нас, мой великий вождь.

– Но ведь это глупо! Ты же сам говорил, что мы нужны им и они будут хорошо платить. Очень хорошо, – на скуластом загорелом лице Чероки читалось явное недоумение. Свою кличку крепкий и высокий парень получил в этой команде отнюдь не в честь известного джипа, а из-за длинных иссиня-черных волос и немного узковатых темно-карих глаз, делавших его похожим на индейца.

Капитан, как его называли подчиненные, поднял холодный, почти никогда не отражавший никаких эмоций взгляд на задавшего вопрос парня и задумчиво кивнул.

– Говорил, верно. Все так и было. Но потом обстоятельства изменились и теперь мы им, я так думаю, просто мешаем. А раз мы им мешаем, то они попытаются обмануть и убить нас. Не беспокойся, я им этого не позволю. Я этим крысам и с самого начала не очень-то верил.

– А ты, Кэп, вообще кому-нибудь веришь?

– Конечно, – не задумываясь, ответил командир и его узкие губы раздвинулись в улыбке, которую даже самый большой простак не осмелился бы назвать доброй. – Себе. Я верю себе. И то, если честно, не всегда. Обычно это бывает всего лишь один раз в год – двадцать девятого февраля.

– Но ведь, Кэп... – удивленно вскинул брови Чероки.

– Вот именно! Потому-то я до сих пор и живой, мой маленький Джеронимо... У тебя все, или ты хотел еще что-то узнать?

– Ну, вообще-то... – Боец отвел взгляд и несмело поинтересовался: – Ребята спрашивают, сколько нам еще торчать в этой поганой сельве?

– Недолго, великий вождь. – Капитан посмотрел на часы. – Думаю, часа через два-три придет катер. Я связался с заказчиком и потребовал привезти деньги сюда. Он пытался что-то там бормотать про чеки и банковские переводы, но ты ведь знаешь мое правило: только наличными! Мы получим много веселых баксов и наконец-то сможем немного отдохнуть в каком-нибудь уютном и спокойном местечке, где никто не стреляет, где много кондиционеров, хорошего виски и крепкозадых девок... Все, Чероки, иди и передай парням, чтобы все вычистили оружие и были в полной готовности.

– Есть, Кэп! – боец выскользнул из хижины, неведомо кем наспех сложенной из тонких жердей и крытой широкими листьями.

Капитан с мягким щелчком вогнал в пистолет новую обойму, передернул затвор, досылая патрон в ствол, сдвинул флажок предохранителя и сунул пистолет в кобуру. После чего начал разбирать свою М-16. Отстегнул магазин и, застыв на секунду, процедил сквозь зубы, непонятно кого имея в виду:

– Твари...

Катер прибыл с опозданием на полтора часа. Если учитывать, что сельва и река это все-таки не какая-нибудь авеню в Нью-Йорке, то опоздание было не таким уж и большим. Судно, довольно-таки обшарпанное, но еще достаточно крепкое и надежное, имело одно несомненное достоинство: широкий устойчивый корпус и два мощных японских мотора, позволявших катеру на открытой, свободной воде развивать скорость около сорока морских миль в час.

Капитан, открыто стоявший на узкой полосе прибрежного песка, приветливо помахал левой рукой двум крепким, до черноты загорелым парням, один из которых стоял на руле, а второй, вытягивая шею, всматривался в проплывавшие мимо, поросшие зеленью берега. Видимо, курьеры всерьез опасались проворонить место встречи с отрядом наемников.

– Эй, на берегу! – по-испански закричал рулевой, резко сбрасывая обороты двигателей. – Это ты Капитан? Ждешь девушку на свидание, амиго?

– Да, я Капитан, – наемник качнул своей автоматической винтовкой – ствол М-16 своим черным зрачком хищно скользил по фигурам прибывших курьеров. – Я жду небольшую посылку от важного сеньора. Привезли?

– Ты бы поосторожнее махал пушкой, амиго! Мы привезли все, что ты ждешь. Сейчас пристанем и ты получишь свою посылку.

Моторы разом затихли и над рекой сразу повисла тишина, нарушаемая только криками птиц в чаще и тонким звоном москитов. Катер мягко ткнулся в песок, оба парня выпрыгнули на берег и одним синхронным движением на полкорпуса выдернули суденышко из воды. Рулевой нагнулся через борт и достал из катера приличных размеров металлический кейс. Хотел было протянуть чемоданчик наемнику, но тот почему-то, не отводя ствола винтовки от гостей, сделал несколько шагов назад.

– Оружие на землю! Оба.

– Нехорошо так встречать друзей, солдат, – рулевой укоризненно покачал головой и хищно улыбнулся. – Зря ты так с нами. Боссу это может не понравиться.

Однако команду оба выполнили, хотя и с явной неохотой – оба были из той породы людей, что без пистолета за поясом чувствуют себя еще более неудобно, чем если бы их голыми и босыми загнали в крокодилий питомник. Пистолеты парни аккуратно положили на песок, сообщив, что в катере лежат еще два автомата.

– Теперь ты, – Капитан указал стволом на рулевого, сжимавшего ручку кейса в руке, – идешь вдоль берега вон до той излучины. Там останавливаешься и ждешь моей команды. А ты, амиго, садись на нос катера и отдыхай. За автоматом прыгать не советую – мои ребята присматривают за вами.

С этими словами наемник достал какой-то местный апельсин, надел зеленый шар на острие длинного ножа и немного отвел руку с ножом в сторону. В ту же секунду где-то в зарослях сухо ударил выстрел и шарик взорвался желто-зелеными брызгами.

– Думаю, все ясно? Ты! Неси свою посылку к излучине...

Парень с явной неохотой потащился к видневшейся в сотне метров излучине, загребая высокими десантными ботинками белый песок. Наконец, добрался до указанного наемником места, повернулся лицом к Капитану, тоже отошедшему далеко в сторону от катера и восседавшего на носу второго посланника, и вопросительно дернул головой, мол, и что дальше?

– А теперь открой кейс и разверни так, чтобы я видел, что там внутри! – прокричал Капитан и поднес к глазам сильный морской бинокль, болтавшийся на груди.

Окуляры бинокля приблизили парня на расстояние вытянутой руки и Кэп отчетливо видел, как рулевой раздраженно швырнул кейс на песок, несколько секунд поколдовал с замками и открыл металлическую крышку...

Точнее, хотел открыть, поскольку вместо плотных серо-зеленых пачек денег наемник увидел огненный шар и тучи взметнувшегося песка, а долей секунды позже услышал и мощный взрыв. Пыль и песок пополам с какими-то обрывками тряпок еще оседали на речную гладь и на землю, когда Капитан едко ощерился и почти довольным тоном процедил:

– Нечто подобное я и ожидал увидеть... Значит, все-таки так...

Наемник нарочито медленным шагом вернулся к катеру, безучастным взглядом долго смотрел на заметно побледневшего и, даже казалось, уменьшившегося в размерах второго курьера, затем произнес:

– Видишь, амиго, как тебе повезло. Я спас тебе жизнь. А теперь ты мне все подробно расскажешь: кто вас посылал, кто что говорил. Вы из компании?

– Н-нет, нас просто наняли, чтобы доставить вам груз! – торопливо начал объяснять парень, не сводя взгляда с черного зрачка М-16. Казалось, винтовка, как и ее хозяин, тоже внимательно вслушивается в рассказ чудом уцелевшего парня и одобрительно покачивает стволом. – Мы имели дело только с... как же его, дьябло... с сеньором Лопесом, он назвался начальником службы безопасности компании. Дал аванс, обещал хорошо заплатить. Иха дель пута!

– Не надо ругаться, амиго... Хорошо, я тебе верю. Они обманули и вас, и нас. За это надо наказывать. Пойдешь с нами? Кстати, катер ваш в полном порядке? Горючки на обратный путь хватит?

– Си, сеньор. Да! – горячо и поспешно закивал курьер, уже немного пришедший в себя – растерянная и жалкая улыбка сменилась злой решимостью. Этот белый толковал о мести, а что может быть слаще мига, когда ты всаживаешь в предавшего или подставившего тебя мерзавца пулю подходящего калибра или острый клинок...

– Места, правда, маловато, – Капитан задумчиво посмотрел на катер и, одним неуловимым движением выхватив из ножен длинный клинок, коротко полоснул курьера наискось по смуглой шее. Тот рефлексивно прижал обе ладони к горлу, словно надеясь каким-то чудом остановить обильно струившуюся сквозь пальцы кровь, и рухнул на белый песок. В глазах так и застыли боль пополам с изумлением.

– Эй! Давайте все сюда, – вытирая клинок оторванным от линялой рубашки курьера клочком ткани, крикнул наемник, не сомневаясь, что в густых зарослях следят за каждым его движением и все прекрасно слышат.

На противоположном берегу зашелестели стебли высоких камышей и показалась надувная лодка с двумя бойцами. Еще трое подошли слева и молча остановились, мрачно рассматривая мертвого посланника бывших работодателей.

– Что будем делать, Кэп? – наконец подал голос один из наемников.

– Поедем в гости, – спокойным тоном объявил Капитан. – Этого в реку. Резинку цепляйте к катеру, грузимся и вперед. Я не люблю, когда я кому-то должен деньги! А еще больше не люблю, когда должны мне...

7

...Вода была замечательной: в меру горячей, обильно сдобренной хорошим шампунем и ароматической солью. Все вместе создавало неповторимую иллюзию ласкового моря и жаркого летнего дня, напоенного горьковатым запахом сосновой хвои. Рамон Брисеньо, глава местного представительства одной из североамериканских нефтяных компаний, блаженно потянулся и с улыбкой окунулся в ароматную воду с головой. Все было просто замечательно. Не хватало для полноты картины маленького домашнего рая длинноногой красотки с приличных размеров грудью. Брисеньо снова улыбнулся, утирая лицо мокрой ладонью. Да шут с ними, с красотками этими лживыми, – в спальне ждет милая и добрая молодая жена, которая никогда и ни в чем не лгала ему и кое в чем может дать всем этим молоденьким дурочкам сто очков форы... Вода остыла, жаль, но пора выбираться.

Мужчина, вынув пробку стока, ополоснулся под душем, выбрался из ванной и, вполголоса напевая «Бессаме мучо» – бессмертный хит всех времен и народов, энергично растерся полотенцем, после чего накинул на округлые плечи легкий халат, едва сошедшийся на внушительном брюшке.

– Нет, все! Пора худеть, – брюзгливо бормотал Брисеньо, поднимаясь по лестнице на второй этаж, где в спальне его уже давненько поджидала жена. При мысли о жене, к которой он удивительным образом так и не утратил с годами почти юношеского влечения, мужчина вновь мягко улыбнулся. Хотя какие годы? Всего-то и женаты меньше пяти лет...

В спальне царил уютный полумрак, едва рассеиваемый двумя пригашенными светильниками у изголовья обширной кровати. Рамону очень нравилось словосочетание «супружеское ложе». Были в нем какая-то особая, домашняя теплота и добротная основательность, которую так ценит истинный католик.

Игривая песенка так и застыла на губах Брисеньо, поскольку в желтоватом сумраке он увидел... Нет, точнее, не увидел на кровати привычного силуэта, прикрытого тонким атласным покрывалом. Наверное, решила выйти на балкон и подышать перед сном, догадался мужчина и посмотрел в сторону высокой балконной двери. Дверь была закрыта...

– Сеньор не женушку ли ищет? – голос, раздавшийся из затемненного угла комнаты, был совершенно спокоен и доброжелателен, но на Брисеньо его звук произвел, видимо, несколько неожиданное впечатление, поскольку мужчина совсем несолидно присел в испуге и, холодея от страха, медленно повернулся в сторону неведомой опасности.

– Кто вы, черт вас побери? – вопрос прозвучал, вопреки намерениям, совсем не холодно и грозно. Скорее уж жалобно. – И где моя жена? И как... как вы попали в дом?

– Сколько вопросов... Не знаешь, на какой и отвечать, – в полутьме лица ночного гостя было не разглядеть, но Брисеньо был уверен, что мужчина злобно ухмыляется. – Вы, надеюсь, еще не забыли меня, уважаемый сеньор?

– Да, я помню, – заторопился хозяин дома, почему-то прикладывая руки к груди. – Вы, наверное, по поводу...

– Я по поводу того, что ты, жирная сволочь, вместо денег прислал ко мне двух недоумков со взрывчаткой в чемодане.

– Нет, это не я! – почти взвизгнул мужчина, наконец-то разглядев, что прищелец держит в руке, расслабленно брошенной на колени, пистолет с необычно длинным стволом. Глушитель, догадался Брисеньо, и вновь сердце больно сжала какая-то холодная и противная лапка острого страха.

В том, что мужчина, вальяжно развалившийся в придвинутом в угол кресле, опасен, Рамон ни секунды не сомневался. Во-первых, добрые друзья не проникают в твой дом ночью, тайком. А во-вторых, Брисеньо уже однажды слышал этот голос – в тот день, когда договари-

вался с этим наемником об акции. Об акции, результатом которой должна была стать гибель русских изыскателей и впоследствии – возможное усиление позиций компании на местном нефтяном рынке. Компании, представительство которой он, сеньор Рамон Брисеньо, до сих пор успешно возглавлял. Еще тогда этот грубоватый солдат показался Рамону каким-то замороженным и невероятно опасным... Как же его? Ах, да – Капитан...

– Это не я, сеньор Капитан, – совсем упавшим голосом повторил хозяин дома и тут же поймал себя на мысли, что хозяин-то здесь сейчас другой и этот другой через минуту пристрелит его, Рамона Брисеньо, и спокойно уйдет. Как пришел, так и уйдет и никакая охрана, заборы и глупые видеорекамеры его не остановят...

– Да мне плевать, кто, – устало шевельнулся в кресле гость. – Ты это был или твои северные боссы – особой роли не играет. Вы хотели кинуть меня и моих ребят. А я этого не люблю и никому не прощаю! Но прежде чем я вас всех убью, я хотел бы получить свои деньги.

– Да-да, деньги, конечно, – Брисеньо торопливо кивал и безуспешно пытался прикрыть лапами халата упорно выпиравшее брюшко. – Завтра, как только откроется банк...

– Какой банк, придурок? А мой гонорар ты проведешь по документам как гуманитарную помощь голодающим детям Африки? Я не первый день работаю на таких чистоплюев как ты и знаю, что в твоём доме наверняка есть сейф и он битком набит черным налом. Специально для подобных расчетов и для подкупа местных продажных чиновников из всяческих контор вроде полиции. Тебе помочь вспомнить, где находится сейф?

– Да, то есть нет! Вы правы... Я сейчас...

– Если у тебя в сейфе на всякий случай лежит пистолет, или ты задумаешь нажать какую-нибудь хитрую кнопку вызова полиции, то я честно тебя предупреждаю: я выстрелю намного быстрее. А когда я выстрелю, то в то же мгновение в соседней комнате мои мальчики перережут горло твоей женушке. И мы все равно заберем все и уйдем, но тебя и ее уже не будет. Я понятно излагаю?

Сил что-либо отвечать уже не осталось и Брисеньо только обреченно кивнул и шаркающей походкой направился к боковой стене, где за аляповатым пейзажем в затейливой раме располагался встроенный сейф. Отодвинул картину, почти на ощупь набрал код замка и открыл тяжелую дверь.

Наемник неторопливо подошел, щелкнул потайным фонарем и окинул взглядом небольшую стопку денежных пачек, папки с бумагами и красивую шкатулку черного дерева.

– Негусто. Надеюсь, к соседям занимать недостающее бежать не придется, амиго?

– Н-нет, здесь должно хватить. Если сумма, конечно, не увеличилась...

– Да ты наглец, – развеселился Кэп и тут же оборвал смех. – Сумма удваивается! Вы должны нам неустойку за то, что отменили нашу маленькую войну, плюс за моральный ущерб. Это составит... в общем, амиго, пакуй все!

Спорить было глупо и бесполезно. Через десять минут Брисеньо несмелым движением поставил к ногам наемника чемоданчик, в котором сейчас находилось примерно тысяча триста пятьдесят, если считать вместе со шкатулкой, в которой находились драгоценности жены.

– Это тебе на хозяйство, – наемник с ухмылкой вытащил из пачки две бумажки по сто долларов и засунул в карман халата Рамона. – Вот видишь, совсем и не страшно. Да, чуть не забыл... Кто?

– Э-э, простите?

– Не стоит прикидываться идиотом, – нехорошо прищурился Капитан. – Кто шепнул твоим хозяевам, чтобы они дали мне и моим ребятам команду «отбой»?

– Я не знаю, клянусь Девой Марией, – Брисеньо увидел, что ствол пистолета качнулся в руке наемника и начал медленно подниматься. – Клянусь, я не знаю! Я могу только догадываться...

– Ну, поделись догадками.

– Возможно, в том районе заинтересованы не только русские и наша компания. Думаю, что наши интересы пересеклись с дорогами парней из Колумбии. А им, как вы понимаете, лишний шум и разборки ни к чему. Они и могли надавить на моих боссов...

Капитан молча кивнул, развернулся и направился к входной двери. В одной руке пистолет, в другой – кейс. Брисеньо, с бешено колотящимся сердцем, никак не мог заставить себя поднять глаза и лишь напряженно вслушивался в размеренные шаги и боялся поверить в то, что этот страшный человек уходит. Уходит и... Нет, не уходит. Остановился и медленно разворачивается. Вот и все, холодным комом ухнуло где-то внутри, все...

– Амиго, ты не пытайся звонить. Домашний перерезан, а мобильные я забрал. Буэнос ночес, мой маленький нищий друг...

Почти беззвучно хлопнула дверь внизу и в доме воцарилась пугливая тишина. Брисеньо, преодолевая желание просто сесть на прохладный пол и просто подышать полной грудью, кинулся в соседнюю комнату, пытаясь заставить заткнуться разыгравшееся воображение, рисовавшее самые кровавые ужасы.

Он не успел сделать и трех шагов, как на грудь к нему кинулась жена – совершенно невредимая, только немного испуганная. Его маленькая Исабель...

... – Кэп, так что, мы никого наказывать так и не будем? – Стоун, сидевший за рулем потрепанного джипа, катившего уже по загородному шоссе, скосил взгляд на безмятежно покуривавшего сигарету командира.

– Обязательно будем! Что там у ребят?

– Звонили, все готово...

– Вот и мы сейчас позвоним, – Капитан пощелкал клавишами мобильного телефона и нажал зеленую кнопку вызова. – Как я все-таки люблю прогресс, Стоун! Бумс – и все. И никаких ножей и крови. Газку прибавь...

Утром Брисеньо пил свой кофе и мрачно размышлял о том, что же его теперь ждет, когда в утреннем выпуске новостей услышал о каком-то теракте. Услышав знакомое название, торопливо прибавил звук. Смазливая девица бесстрастно сообщила, что «сегодня ночью в столице, в деловой части города прогремел мощный взрыв, почти полностью разрушивший особняк, в котором располагалось представительство одной из североамериканских нефтяных компаний. По непроверенным данным, погибли два охранника. Кроме того, как нам только что сообщили, незадолго до взрыва был застрелен начальник службы безопасности, некий сеньор Лопес. Ведется следствие...»

8

...Катков с Трояновым, уже не соблюдая никаких особых предосторожностей, быстро вернулись в точку, откуда их после выполнения задачи должен был забрать вертолет, и включили сигнальный радиобуй.

Вертолет появился буквально через минут семь и, зависнув над пловцами, болтавшимися в волнах, сбросил тонкий трос с проволочной спасательной корзиной. Мичман по команде Ската ловко забрался в корзину и махнул рукой: «Вира помалу!» Лебедка намотала трос и Трифон исчез внутри вертолета, после чего корзина спустилась вновь. Еще через минуту лейтенант устало перевалился через порожек темноватого отсека и, сердито отшвырнув корзину в сторону, привычно сбросил уже не нужное снаряжение и расслабленно растянулся на вибрирующем металлическом полу. Все, теперь пусть работают вертолетчики...

На борту БПК, куда вскоре благополучно вернулся и совершил посадку вертолет, пловцов встречал мужчина лет сорока с небольшим в форме морского пехотинца с погонями майора. Естественно, высокий и крепкий – щуплых коротышек ни в ВДВ, ни в морскую пехоту не берут, не говоря уже о спецназе любого рода войск. Подполковник Вашуков являлся командиром одного из спецподразделений боевых пловцов «Дельфин», некогда сформированных под широким крылом ГРУ – Главного разведуправления Генерального штаба и предназначенных, по первоначальному замыслу больших генералов, для возможных боевых операций за пределами страны. Были осуществлены какие-либо операции или нет, неболтливые военные умалчивают, но это не так уж и важно, важно то, что подобные подразделения в российской армии и на флоте были, есть и будут...

– Вот что, бойцы, все вопросы потом, – выслушав рапорт лейтенанта Каткова, тут же попытавшегося узнать причину столь спешного возвращения, подполковник небрежно бросил ладонь к берету и приказал: – Сейчас давайте в душ, переодевайтесь и через полчаса – у меня в каюте!

– Есть! – не очень-то бодро ответили пловцы и побрели в душевую.

Ровно через двадцать пять минут Катков и Троянов, уже переодевшиеся в форму обычных морпехов и немного посвежевшие после горячего душа, перешагнули порог маленькой каюты, отведенной майору, и доложили о прибытии.

– Вижу, что прибыли, – недовольным тоном проворчал Вашуков и небрежно кивнул в сторону крохотного диванчика, примостившегося рядом с таким же компактным столиком, на котором бойцы сразу же увидели бланк радиогаммы. – Вольно! Присаживайтесь... Из штаба радиогамма пришла. Приказано откомандировать вас в Подмоскovie, в учебный центр. Подробности я, естественно, не знаю, но полагаю, что у командования нашлись веские причины сорвать вас с учений. Так что сегодня у вас самолет на Москву. Вертолетчики добросят вас до Калининграда, а там и встретят, и на аэродром отвезут... Вопросы можете не задавать – сам больше ничего не знаю!

– Товарищ майор, – все же решился поинтересоваться Катков, – а что насчет снаряжения?

– Никакого снаряжения брать не нужно, лейтенант. Налегке полетите. В городе заедете домой и переоденетесь. В гражданку. Попроще там – джинсы, курточки. И вот еще что... Думаю, вас планируют не в отпуск отправить, на крымском ласковом песочке поваляться. Так что, держите там марку флота на уровне и не забывайте, что вы – боевые пловцы, элита и все такое, – майор бросил взгляд на часы. – Вертолет через сорок минут. Все, свободны. И это... удачи вам, ребята!

...Казалось бы, человечество давно должно было бы привыкнуть к мысли, что при помощи самолетов сегодня можно без особых затруднений позавтракать где-нибудь в Греции, пообедать в Швеции, а легкий ужин заказать уже чуть ли не на другом конце света. Однако

Каткову с Тритоном все же несколько непривычно было сразу после сумрачно-сырой Балтики вдруг оказаться в залитой тихим осенним солнцем Москве. Впрочем, в столице бойцы, в своей гражданской одежде больше напоминавшие самых обычных спортивного вида подтянутых молодых мужиков, практически и не были. Водитель армейского УАЗа, встретившего их в аэропорту, проехал через весь город какими-то окраинами, довольно скоро вновь заколесил по пригородным дорогам и, наконец, остановился перед металлическими воротами с привычными красными звездами на створках. Коротко посигналил, ворота распахнулись, боец с короткоствольным автоматом на ремне проверил пропуск и махнул рукой: «Проезжай!»

Уазик громко скрипнул тормозными колодками у одного из подъездов утопавшей в зелени еще не облетевших кустов акации и шиповника пятиэтажки, по всей видимости, отведенной под казармы и общежитие для офицерского состава. Катков с Трояновым выбрались из душноватого салона джипа и тут же увидели спешащего им навстречу прапорщика, секунду назад вынырнувшего из темного провала подъезда.

– Лейтенант Катков и прапорщик Троянов? – козыряя, деловито осведомился встречавший.

– Так точно. Только не прапорщик, а мичман Троянов, – с долей некой мнительности и ревности, порожденной извечным соперничеством между сухопутными «сапогами» и моряками, поправил прапора Тритон.

– Извините, мичман, – понимающе улыбнулся прапорщик. – Я покажу вам вашу комнату, а потом вам следует к пятнадцати ноль-ноль явиться в штаб, в комнату номер одиннадцать. Идемте!

9

Подмосковье. Учебный центр войск специального назначения

...В небольшой комнатке, скрывавшейся за дверью с номером одиннадцать, бойцов встретил солидных размеров мужик в полевой камуфляжной форме, хотя, уже после нескольких минут собеседования Катков готов был спорить на ящик коньяка, что перед ними сидит никакой не подполковник, а капитан второго или даже первого ранга. Причем дядя в камуфляже наверняка прибыл сюда, в «сухопутную глубинку», из разведки ВМФ.

Для начала подполковник придвинул пловцам несколько листов бумаги с множеством устрашающих грифов, в каждом из которых грозно и таинственно синело слово «секретно». После того, как лейтенант с мичманом эти бумаги, призывающие держать язык за зубами чуть ли не сто лет даже после гробовой доски, подписали, подполковник вкратце описал задачу, поставленную командованием перед боевыми пловцами.

... – Сами понимаете – погибли наши соотечественники, русские. Мы, конечно, не Штаты, чтобы из-за каждого попавшего в беду гражданина страны немедленно высылать авианосцы и морскую пехоту, и не Моссад, который приговаривает к смерти всяких гадов и годами охотится на них и рано или поздно в землю вгоняет, но... Просто так мы этого не оставим! Поэтому и решено сформировать группу, так сказать, особого назначения, чтобы тех уродов найти и наказать. А поскольку есть много всяких политических нюансов и штатникам вряд ли понравится, что русские в открытую носятся по чужой стране у них под носом с автоматами наперевес и отстреливают пусть даже и бандитов-террористов, то все это вам следует проделать культурненько, без шума и пыли, как говорится...

– Товарищ подполковник, а почему понадобились именно боевые пловцы? Там же вроде бы банда отморозков типа зеленых беретов, а они по сути предпочитают бегать...

– Товарищи из Венесуэлы передали информацию, по которой можно с большой долей вероятности предположить, что эти, как ты говоришь, зеленые береты работали сначала на штатовскую нефтяную компанию, решившую в конкурентной борьбе с нашей российской использовать вот такие убийственные аргументы. А потом у них там что-то не срослось, не ладили и на сегодня – опять же, вроде бы, – эти береты подались к ребятам из колумбийской наркомафии, у которой в тех краях имеется свой бубновый интерес. И власти страны очень хотят провести громкую операцию, показательную порку для наркобаронов. А то их Рамиресу очень не нравится, что Штаты постоянно намекают на его малопонятное покровительство ребятам, тоннами транспортирующим кокаин в города и веси северного соседа...

– Наркомафия – тоже нам? – осторожно поинтересовался Катков. – Боюсь, что вдвоем мы...

– Нет, не вдвоем. Вас будет трое. Нет, всю наркомафию вам гонять не придется, у вас другая задача. Ты про боевых пловцов спросил... Дело в том, что есть серьезные факты, подтверждающие, что колумбийцы имеют где-то в среднем течении Ориноко тайную базу подводных лодок, которые и тащат потихоньку этот чертов кокс мимо всех катеров и прочих заслонов береговой охраны США. Вам необходимо обнаружить эту базу и уничтожить! Причем, уничтожить так, чтобы там все на молекулы развалилось, ясно? Базы субмарин – это ваша прямая специализация, так сказать... Есть еще один щекотливый нюанс: америкосы перехватили-таки одну из мини-субмарин и выяснилась одна весьма неприятная штука. Штатовские эксперты в один голос вопят, что строили ее по русским чертежам и, скорее всего, под присмотром русского инженера. Так что для нас дело чести и этого реального или мифического кораблестроителя найти. Если он, конечно, не миф...

– Товарищ подполковник, с задачами, в принципе, все ясно, – озабоченно покивал лейтенант Катков. – Как мы туда добираться будем? И что со снаряжением?

– Самолетом. А снаряжение... В лайнере «Delta» вы оружие и прочее, естественно, не повезете – вряд ли нас поймут, если вы с базукой в «боинг» попретесь. Там, на месте, вас встретят, снабдят всем необходимым и познакомят с обстановкой уже во всех подробностях, – подполковник увидел, что Катков порывается задать еще вопрос и, чуть улыбнувшись, упредил лейтенанта: – С третьим членом группы скоро познакомитесь. Он здесь, в центре. Натаскивает молодых офицеров спецназа. Вообще-то, насколько я знаю, это он так немного отдыхает после ранения. Какое-то время за штатом был, теперь вот втягивается... Мужик вроде ничего, так что, думаю, сработаетесь. Вот и все пока, свободны. Дальше все вопросы к майору Орехову!

– Это наш «рэмбо»? Командовать группой он будет?

– Естественно. А насчет Рэмбо... Пожалуй, вроде того, – вновь скупой улыбнулся подполковник. – Говорят, суровый мужик и кличка у него подходящая – Шер-Хан...

10

– Эй, мужики, – с аккуратно выкрашенной свежей краской скамеечки неторопливо поднялся чуть выше среднего роста мужчина все в том же камуфляже, с зелеными майорскими звездочками на полевых погонах, – вы не меня ищите?

Пока мужчина без особого интереса в глазах поджидал, когда лейтенант и мичман подойдут поближе, те, в свою очередь, рассматривали и оценивали своего будущего командира. Майор никак не выглядел богатырем с косой саженью в плечах – худощавый и, вероятно, жилистый, как степной волк, до костей просушенный и выдубленный ветром. Лицо вроде бы и самое обычное, только вот глаза нехороши – не то холодно-настороженные, не то просто злые...

– Майор Орехов, – мужчина протянул руку обоим поочередно представившимся бойцам. – А вы, значит, пловцы, «черные крабы», так сказать...

– Что-то не так, товарищ майор? – поджал губы Катков.

– Нормально все, – дернул плечом Орехов. – Вы там, в штабе, все закончили?

– Ну да, – ответил Троянов, – теперь приказано поступить в ваше распоряжение...

– Тогда за мной, товарищи офицеры и прапорщики! – Орехов круто развернулся и уверенно двинулся куда-то вглубь военного городка, обильно заросшего ухоженными и уже заметно облетевшими кустарниками и деревьями, ярко желтевшими остатками листвы...

Минут через десять троица оказалась в самой обыкновенной каптерке, расположившейся в сухом, длинном подвальном помещении. Моряки без особого интереса рассматривали стеллажи и длинные ряды вешалок, уже отчасти догадываясь, зачем этот сумрачный майор привел их сюда.

– Старшина, – Орехов небрежно облокотился на отполированный до зеркального блеска барьерчик, отделявший закуток каптерщика от остального помещения, – ты ребятам подбери все, что положено. Только, смотри, чтобы обувь была в полном порядке, разношенная и мягкая! Мне их ноги еще понадобятся.

Еще через полчаса майор удовлетворенно осмотрел затянутых в армейский камуфляж боевых пловцов, на ногах которых красовались такие же высокие десантные ботинки, как и у него самого, и коротко скомандовал:

– За мной, бегом марш!

...Сначала Скот и Тритон недоуменно переглядывались и втихаря ухмылялись столь незамысловатому тесту на профпригодность, предложенному мрачноватым майором. Километров пять. Потом пришла очередь раздражения, сменившегося злым, чисто спортивным упорством. Лейтенант, стараясь, чтобы его знаков не заметил Орехов, бежавший впереди и, казалось, уже давно забывший, что с ним в группе бегут еще двое, показал Троянову на пальцах и мимикой: «Черт с ним, пусть поиграет в строгого старшину, а мы будем назло ему молчать и работать...»

Примерно после восьмого километра злость и раздражение куда-то улетучились вместе с ухмылками, и теперь в мыслях пловцов было лишь одно: не осрамиться и не отстать. О том, чтобы остановиться и заявить, что сил больше нет и они плевать хотели на все хитрые тесты и проверки, не могло быть и речи! На кону стояло не только простое мужское самолюбие, но и, в некотором роде, престиж спецназа ВМФ.

А этот чертов Шер-Хан, даже ни разу не оглянувшись, все так же, как казалось морякам, легко и непринужденно бежал впереди. Так неумоимо и неотвратимо бегут, наверное, по белой тундре северные волки, голодные и безжалостные, верховым чутьем идущие по следам оленьего стада, в паническом страхе уходящего от кровожадных преследователей.

«Да какой же он, к чертям собачьим, Шер-Хан?! Тот не спеша трусил, хромой вроде был... А этот как железный дровосек – молотит и молотит... – безрадостно думал лейтенант

Катков, прикидывая, что километров десять они уже точно отмахали. – И сколько он еще нам накинёт? А если он, гад, сейчас развернется и заявит, что теперь побежим обратно? Еще столько же? А врешь, змей сухопутный, все равно не сойдем! Назло не сойдем...»

Марш-бросок закончился ровно за пару мгновений до того, как лейтенант и мичман, практически не сговариваясь, уже готовы были выпалить что-нибудь вроде: «Все, майор! Хватит нас как пацанов с курса молодого бойца гонять. Мы тебе все-таки не мальчики!»

Орехов неожиданно резко сбросил темп и свернул на небольшую полянку, открывшуюся среди густых зарослей орешника. Перейдя на шаг, несколько раз прошелся туда-сюда и устало плюхнулся на старое сухое бревно, неведомо кем приспособленное под некое подобие лавки. Подышал, непонятно зачем посмотрел на синевшее над верхушками кустов небо и вдруг с улыбкой произнес:

– Вообще-то, я был уверен, что вы сдохнете много раньше! Похоже, мы кашу-то сварим...

– Товарищ майор, – облизывая пересохшие губы, задал Троянов вопрос, волновавший его сейчас гораздо больше, чем будущая «каша», – а назад когда?

– Назад? – Орехов хитро прищурился и, выдержав истинно театральную паузу, объявил: – Назад на машине поедет, мичман. Бесплатно...

...О горячем душе, ужине с хорошим куском мяса и отдыхе боевые пловцы грезил, как оказалось, несколько преждевременно. Когда потрепанный узик, довольно прилично управляемый майором, напрыгался по каким-то проселочным дорогам и вернулся в городок, то Орехов лихо проскочил мимо казарм и привез заметно обеспокоившихся гостей к месту новых испытаний. УАЗ затормозил у начала длиннющей линии с невероятным количеством снарядов, стенок, рвов, подвесных мостов и прочих штучек, в которых пловцы без труда узнали полосу препятствий. Нечто подобное они уже видели и не раз проходили в своем гарнизоне у морских пехотинцев, но эта полоса, как сразу обреченно признал Скат, была покруче!

– Наша полоса разведчика, – многообещающим тоном объявил Орехов, причем с такой гордостью, словно он лично спроектировал и построил все эти труднопреодолимые препятствия. Заметив, что гости заметно помрачнели, майор понимающе ухмыльнулся и почти дружеским тоном объявил: – Проходить полосу буду я. А вы просто пробежитесь и посмотрите...

Посмотреть было на что – это и лейтенант, и мичман признали уже метров через двести.

Через многочисленные препятствия майор проходил почти с такой же легкостью, с какой еще меньше часа назад бежал кросс. Четкие, ловкие, скупое-экономные движения и какая-то неумолимая злая сила, сквозившая во всем облике Орехова, порождали уважительное сравнение уже не с волком, а с длинноногим и неутомимым лосем, которому любой бурелом, любое болото нипочем...

Закончилась десантно-штурмовая полоса на стрельбище. Правда, стрелять было не из чего, поскольку оружия с собой у майора не было. Зато было нечто другое. Из длинного и широкого футляра, закрепленного подмышкой наподобие плечевой кобуры, Орехов извлек пяток длинных метательных ножей и с невероятной быстротой один за другим всадил их в укрепленное стоймя бревно – как раз в пятачок, обозначающий горло неведомого врага.

После чего Орехов шумно выдохнул, вытер рукавом мокрый лоб и устало присел на корточки, жестом приглашая пловцов последовать его примеру.

– Ну что, ребята, гадаете, для чего этот старый пижон так перед вами выпендривался? Да ладно, я же вижу, – майор достал помятую пачку дешевых сигарет, прикурил и с наслаждением выпустил облачко голубоватого дыма. Поймал-таки недоуменно-осуждающий взгляд Каткова и сокрушенно кивнул. – Да, ребята, грешен, никак от заразы отвыкнуть не могу. Лучше жрать сутки не буду... В том, что вы в своем деле – асы, что вы и в рукопашке хороши, и с ножом получше моего управляетесь, я нисколько не сомневаюсь – других не прислали бы. Просто я хотел, чтобы вы увидели, что командовать вами будет тоже не заросший жиром полковник,

привыкший к теплему кабинету. Нам с вами, вполне возможно, под пули идти придется, и мы... Вы футбол любите?

– Кто ж его не любит, – слегка сбитые с толку вопросом, почти в один голос ответили пловцы.

– А я терпеть не могу! Но я, собственно, не проигрыши наших дармоедов обсуждать с вами собрался. Я о том, что выигрывает не та команда, в которой самые лучшие игроки, а та, которая Команда! Где все сильные и ловкие пальцы складываются в железный кулак, пробивающий любую броневую плиту! Ну, об этом мы еще поговорим, а пока давайте домой... Вы на каких куполах прыгали в последнее время?

– Ну, вообще-то больше на Д-9, – пожал плечами Скат – он все еще никак не мог привыкнуть к странной манере майора задавать вопросы в какой-то одному ему ведомой связи и последовательности. – А что?

– Вы про бейсджампинг слышали что? – поднимаясь с земли и отряхивая с брюк сухие травинки и сор, спросил Орехов.

– Это те сумасшедшие, что с небоскребов и мостов сигают, что ли?

– Ну да, – улыбнулся майор, – они, родимые. Поздравляю вас, ребята – теперь мы тоже вступаем в клан бейсджамперов – лихих ребят, что прыгают без запасок... И это... у нас самолет завтра рано утром!

11

... – Эй, на катере! С вами говорит лейтенант Смит, береговая охрана Соединенных Штатов. Вы вторглись в территориальные воды Штатов. Приказываю остановиться и приготовить судно к досмотру. В противном случае мы будем вынуждены открыть огонь на поражение!

Сторожевой катер береговой охраны, подвывая оглушительной сиреной и взрезывая высоким форштевнем пологие зеленовато-голубые волны, начал описывать длинный полукруг, намереваясь отрезать судну-нарушителю пути возврата в нейтральные воды. Хотя, в нейтральные воды нарушителю уже вряд ли удалось бы ускользнуть – слишком далеко он забрался на американскую территорию и вряд ли это было простой ошибкой неумелых и малоопытных рыбаков. Во-первых, очень широкая резиновая лодка под двумя неслабыми моторами мало походила на обычный траулер или рыбацкий баркас; а во-вторых, слишком уж целеустремленно и нагло суденышко перло курсом на юго-восток Флориды. Так поступают лишь отчаянные нелегалы, удравшие с Кубы, да контрабандисты, которым все нипочем и никто не указ – эти понимают только язык крупнокалиберного пулемета...

– Лейтенант, что-то уж больно широкая у них лодка, – стоявший на руле сержант опустил бинокль, с помощью которого пытался получше рассмотреть нарушителя. – Чертова дымка, ничего толком не видно... Может быть, дадим пару очередей, а то что-то не больно они наших динамиков пугаются? Вон как прут! Наверняка моторы не с рыбачьей лодочки...

– Расстрелять мы их всегда успеем, сержант, – в лейтенанте разгорался чисто охотничий азарт. Расстрелять... Куда интереснее после небольшой погони прижать нарушителя в угол, доказывая и мерзавцам, и самому себе, что в береговой охране США служат не мальчики из скаутского лагеря, а по-настоящему крутые ребята! – Прибавь-ка, сержант. Эй, на катере!

До лодки, по-прежнему упрямо рвавшейся в сторону берегов Флориды и словно в насмешку оставлявшей после себя лишь широкий пенистый след, оставалось не больше трех кабельтовых, когда произошло нечто странное. В первые мгновения лейтенанту даже показалось, что нарушитель напоролся на риф и их лодка попросту развалилась надвое. Хотя, тут же одернул себя Смит, какие, к дьяволу, рифы? Здесь же кругом чистая вода!

– Сэр, да их двое! Они катамараном, в сцепке шли, а теперь разделились. То-то я смотрю, что-то уж очень широкая у них лодка...

– Сам вижу, – огрызнулся лейтенант, перебегая взглядом с одной лодки на другую, рванувшуюся градусов на семьдесят в сторону от первой, курса на Флориду так и не изменившей. Какую цель выбрать? И решать надо побыстрее, а то обе растворятся в легком тумане и оставят «крутых парней» с носом, черт их возьми!

– Давай за левым, – принял решение Смит. – Да поднажми же, не жалея эту керосинку!

Гонка продолжалась около восьми миль и сторожевику так и не удалось приблизиться к лодке ближе, чем на три-пять кабельтовых. Ни на вой сирены, ни на грозные требования остановиться нарушители ни знаком, ни жестом так и не ответили – только ревел мотор, толкая лодку все дальше на северо-запад. Наконец, лейтенанту надоела эти бессмысленные игры в догонялки и он решительно взялся за пулемет, закрепленный на турели. Первая очередь прошла справа по курсу лодки, вторая слева. После третьей, выпущенной поверх головы наглого нарушителя, одиноко видневшейся в лодке, лейтенанту в какое-то мгновение показалось, что пули прошли гораздо ниже, чем он рассчитывал, и попали в человека в лодке. Моторка сначала как-то странно вильнула, потом выровнялась, но пошла уже не так быстро, как минутой раньше.

– Сэр, она пустая! – возбужденно заорал сержант, закладывая длинный вираж, чтобы обогнуть уже едва тащившуюся резиновую лодку, – действительно пустую. – Этот мерзавец прыгнул в море!

Лейтенанту не требовалось больше никаких объяснений. Теперь он сообразил, что же в облике человека, управлявшего моторкой, с самого начала показалось ему странным – человек был облачен в гидрокостюм! Значит, они удирали и удирали, а потом этот мерзавец просто выпрыгнул за борт и сейчас спокойно загребает ластами на глубине, откуда нам его ввек не достать. Но зачем, черт возьми?!

– Сэр, думается мне, что они нас уводили из района патрулирования, – несмело предположил сержант, принайтовывая длинным концом-тросиком пустую лодку, превратившуюся из нарушителя в обычный трофей, к корме сторожевого катера. – И тогда получается...

– Тогда получается, что они нас надули и мы проворонили третьего, который потихоньку проскользнул к Флориде! – взорвался Смит. – Хватит возиться с этой лоханкой! Курс норд-вест и полный вперед. Самый полный!

Лейтенант был не так уж и далек от истины, когда рассуждал о третьем, упущенном нарушителе. В те самые минуты, когда сторожевик гнался за двумя фальшивыми зайцами, на небольшой глубине курсом на норд-вест-вест бесшумно проскользнула мини-субмарина, принадлежавшая Синдикату – временному союзу пары крупных колумбийских наркобаронов и нескольких более или менее серьезных мафиози из коза ностра, занимавшихся на территории Штатов торговлей кокаином. Трафик был еще по-настоящему не опробован и не отработан во всех деталях, а поэтому груз на борту субмарины был весьма скромным – всего сто килограммов чистейшего продукта, произведенного в подпольных лабораториях, спрятавшихся от любопытных и жадных глаз в непроходимой сельве в районе стыка границ Колумбии и Венесуэлы...

12

...Огромный «Боинг-737» сделал плавный полукруг над панорамой международного аэропорта Simon Bolivar, раскинувшегося на побережье, и начал снижение, заходя на посадку. Лайнер сначала мягко коснулся задними колесами шасси серого бетона взлетно-посадочной полосы, словно кошка, которая пробует опасную гладь воды, потом уже уверенно ткнулся колесами передней стойки и покатился, притормаживая и замедляя бег. Турбины подвывали на разных режимах, помогая экипажу выруливать громоздкую машину к месту стоянки. Лайнер еще не остановился, но, казалось, уже расслабленно опустил уставшие крылья и облегченно выдохнул всеми четырьмя двигателями – долгий перелет через Атлантику остался позади. Вместе с «боингом» радостно вздохнули и большинство пассажиров – кто втайне, а кто и в открытую: «Ну, слава Святой Деве, наконец-то мы на земле, мы дома!»

Море в голубоватой дымке с одной стороны, буровато-зеленые горы – с другой, а между ними серое бетонное поле, заставленное белыми самолетами всех типов, величин и «вероисповеданий», то бишь авиакомпаний разных стран. От самолетов, ввиду их удобства и скорости, не отказываются ни христиане, ни мусульмане, ни представители прочих, даже самых ортодоксальных конфессий.

В суетливой толпе пассажиров, спешивших получить свой багаж и пройти таможенный досмотр, заметно выделялись трое мужчин явно спортивного, крепкого сложения. Двоим из них было, вероятно, около тридцати, третий был немного старше, хотя, когда мужчина не то от недовольства, не то по привычке начинал хмуриться, то ему смело можно было дать и все сорок.

Мужчины подхватили свои дорожные сумки и пару объемистых спортивных баулов и двинулись в сторону стойки таможенного досмотра. Дождались очереди, плюхнули сумки и баулы на ленту транспортера и приготовили документы.

– Вы из России? – просматривая паспорта и декларации, профессионально любезно поинтересовался толстый таможенник с завидной пышности усами. – Цель приезда – спорт. О, бейсджамп! Будете у нас прыгать? Сальто-Анхель, си?

– Именно, сеньор, оттуда и сиганем... – по-испански ответил Орехов и сдержанно улыбнулся толстяку, постоянно сбивавшемуся с английского на родной язык великого героя Боливара. – Сумки можно забирать?

– О, да-да, все в порядке, сеньоры. Мы не станем потрошить ваши парашюты, вы можете не беспокоиться, – таможенник прошлепал визовые отметки. – Велкам, добро пожаловать в Венесуэлу, сеньоры!

Проводив русских парашютистов-экстремалов не то сочувствующим, не то завистливым взглядом, таможенник переглянулся с напарником, работавшим неподалеку, и украдкой повертел пальцем у виска: «Крейзи...»

– Так, а это еще что? – майор резко развернулся и, придавая лицу чуть ли не зверское выражение, направился к суетливо метавшейся неподалеку богемного вида девице, что-то деловито командовавшей своему расхристанному напарнику, уже наводившему на русских парашютистов дорогую кинокамеру. – Парень, ты камеру от греха убери...

– Оу, русские бейсджамперы! Эксклюзив! Мы с телевидения, – еще пуще засуетилась девица, но Орехов непреклонно покачал головой.

– Никаких съемок, сеньора! Немедленно удалите кадры, – и пояснил задохнувшейся от возмущения девушке: – У нас уже есть строжайшая договоренность с одной из известных ТВ-компаний – все до единого кадра с нами и нашими прыжками принадлежат им. Таковы условия наших спонсоров. Простите, сеньора, но вы должны нас понять – это бизнес.

– Нам только на местном ТВ засветиться не хватало, – ворчал майор, возвращаясь к своим бойцам. – Сохранишь тут секретность, блин, – фотографии на каждом шагу...

В зале пассажиров рейса встречала небольшая толпа суетливых и нетерпеливых мужчин и женщин, чуть в стороне от которых переминался флегматичный невысокий крепыш – естественно, смуглый и уса́тый. В руках крепыш держал самодельную табличку, извещавшую, что встречается он именно экстремалов из далекой России.

– Буэнос диас, амиго! Нас встречаешь? – Орехов протянул мужчине руку, тот без каких-либо заметных эмоций ответил на рукопожатие и кивнул.

– И куда дальше? Как вас величать прикажете, кстати?

– Педро. У меня на стоянке машина. Сейчас поедem в гостиницу. Идемте, сеньоры...

Не первой молодости «форд»-микроавтобус бодро катил по бетонной автостраде, минуя туннели, один из которых протянулся почти на два километра, мосты-виадуки и минут через двадцать уже въехал в пределы столицы. Однако в сторону центра не поехал, а какими-то запутанными петлями проскочил на одну из городских окраин и вскоре притормозил у входа в довольно скромный отель со слегка вызывающим названием «Эксельсиор».

– Слышь, дон Педро, у вас, наверное, все названия если не «Симон Боливар», то «Эксельсиор» или «Эспаньола», да? – выбираясь из сумрачного нутра микроавтобуса, проворчал Троянов.

– Я не дон. Просто Педро. У нас, сеньор, много разных названий... – водитель с легкостью подхватил две сумки гостей и решительно двинулся к стеклянным дверям гостиницы.

– Ты бы со своим юмором поосторожнее, – недовольно посмотрел на товарища Катков. – Все-таки испанец! Выхватит кабальеро шпагу и проткнет твое нахальное сердце. Так что, на всякий случай, базар фильтруй, как говорят наши любители экстрима с синими наколками... Ох, сейчас в душ и спать! Часиков пять, а, Тритончик?

– Я, дядя Слава, не тритончик, я – бейсджампер Валера Троянов, ферштейн? – немедленно отомстил лейтенанту Валерий. – А вообще-то, поспать бы не мешало.

Водитель подождал, пока гости оформят свои бумаги у портье, все так же молча помог донести сумки до дверей номера и, прощаясь, улыбнулся неизвестно чему и коротко бросил:

– Удачи вам, кабальерос!

Номер был, в принципе, таким же, каким он был бы хоть в Риме, хоть в Стокгольме – шкафы, кровати, столики-кресла, телевизор. Естественно, душевая, холодильник и кондиционер. Последний был весьма кстати, поскольку после московской серенькой прохлады на улицах Каракаса, приткнувшегося всего лишь в десятке градусов от экватора, было жарковато – сезон дождей закончился и наступала традиционная зимняя жара. Как когда-то отметил в своих записях синьор Робинзон, томившийся на острове примерно в этих же краях: «Зима. С ноября по март – сухо и жарко!»

И все же в этом номере было одно небольшое отличие от обычно пустых, прибранных и приготовленных для приема жильцов гостиничных каморок и апартаментов. Орехов, вошедший в гостиную первым, неожиданно притормозил на пороге, и его товарищи едва успели остановиться и не ткнуться в напрягающую спину майора.

– Да у нас гости, ребята...

13

Если уж быть совсем точным, то это были не гости и даже не гость, а гостья. Весьма и весьма миловидная темноволосая девушка лет двадцати пяти непринужденно расположилась в одном из кресел и без особого любопытства рассматривала появившихся на пороге гостиной мужчин.

– Босс, это что еще за смуглянка-молдаванка, а? – Троянов, вытягивая шею, заглядывал через плечо майора и недоумение на его лице как-то само собой за какую-то долю секунды сменилось легкомысленной улыбкой. – Или это у них тут такой типа сервис? Я – за, пацаны!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.